

Певец красоты человеческой

ЧЕХОВ ПИСАЛ БОЛЕЕ ЧЕМ ПОЛВЕКА НАЗАД о совершенно иной жизни, чем наша, о совсем других людях. Призраками навсегда исчезнувшего прошлого кажутся сейчас такие его персонажи, как унтер Пришибеев или «Человек в футляре» — учитель Беликов, темный крестьянин из рассказа «Злоумышленник» или жалкий Червяков из «Смерти чиновника».

Но чем дальше уходим мы от времени, в которое жил и творил Чехов, тем ближе становится он нам. Что же так приближает Чехова к сегодняшнему дню? Почему называем мы своим современником писателя, стоявшего в стороне от революции и политической борьбы, мечтавшего, по его словам, лишь о том, чтобы быть «свободным художником»?

Может быть, дело в том, что рассказы и повести Чехова, бичующие равнодушие, лицемерие, произвол, и сегодня не утратили своей обличительной силы, помогают бороться с пережитками прошлого?

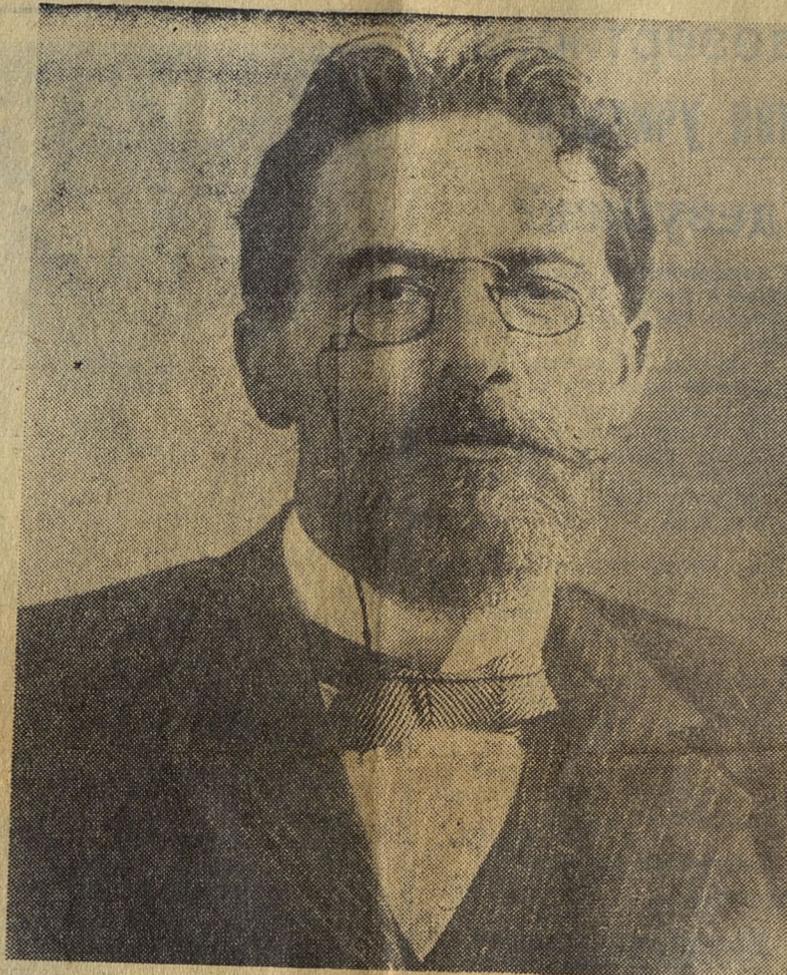
Бесспорно, чеховский смех, чеховская ирония и сейчас служат оружием в борьбе с родимыми пятнами старого, с мещанской, обывательской психологией, зазнайством, неискренностью и т. д. Но все же не это главное. Пройдут еще десятилетия, все эти пережитки прошлого бесследно исчезнут из быта и психологии советских людей, а Чехов, гениальный писатель, умный и чуткий человек, останется с нами навсегда.

СОВЕТСКИМ ЛЮДЯМ, СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ Чехов дорог и близок больше всего его светлой мечтой о человеке. Да, он был далек от политики, от революционной борьбы. Но никто, кажется, из русских писателей не ощущал с такой силой разрыва между жизнью, какой она могла бы быть и какова она в действительности. С исключительной чуткостью умевший ценить красоту в природе, искусстве, в тончайших движениях человеческой души, Чехов с бесконечной грустью думал о том, как еще далеки в подавляющей массе люди от этой красоты, как безобразна их жизнь, как мелки, ничтожны их стремления и интересы.

«В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Это мечта, это требование, это идеал. А действительность?

...Есть у Чехова очень сильный рассказ «Припадок». Написан этот рассказ под впечатлением трагической смерти замечательного русского писателя Всеволода Гаршина, который в припадке безумия покончил с собой, бросившись в пролет лестницы. Рассказ начинается чудесной пейзажной зарисовкой:

«Недавно шел первый снег, и все в природе находилось под властью этого молодого снега. В воздухе пахло снегом, под ногами мягко хрустел снег, крыши, деревья, скамьи на бульварах — все было мягко, бело, молодо, и от этого дома выглядели иначе, чем вчера, фонари горели ярче, воздух был прозрачней, экипа-

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ.

жи стучали глуше, и в душу вместе со свежим, легким морозным воздухом просилось чувство, похожее на белый, молодой, пушистый снег».

Чувство, похожее на белый, молодой, пушистый снег — как это чисто, красиво, глубоко! А через несколько страниц, потрясенный только что увиденными картинами унижения человеческого достоинства, надругательства над женщиной, герой рассказа, студент Васильев, восклицает: «И как может снег падать в этот переулочек!»

Что же было особенно дорого Чехову в людях, каким представлял он себе человека будущего, когда «жизнь на земле будет невообразимо прекрасной»?

Прежде всего — это человек-созидатель, человек-труженик, украшающий землю. Говоря о том, что он не встречал людей, которые бы чувствовали «значение труда, как основная культура» так глубоко и всесторонне, как Чехов, А. М. Горький вспоминает сказанную ему Антоном Павловичем фразу:

«Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша».

Об этом же говорят и любимые герои Чехова, для которых светлое будущее человечества связано прежде всего с трудом, с творческим отношением к жизни:

«Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-нибудь 25—30 лет работать будет уже каждый человек».

И разве не мыслями о великой, всепобеждающей силе труда, не преклонением перед человеком-творцом, держателем, преобразующим мир, подсканы Чехову слова, которые произнес он почти три четверти века назад, стоя на пустынном берегу одной из великих сибирских рек: «Какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!»

Пророчество это сегодня стало явью. Молодежь, участвовавшая в строительстве Братской ГЭС, работающая на новостройках Сибири, лучше всех может об этом рассказать!

Но один труд, не освещенный большой и ясной целью, благородной «общей идеей», еще не делает человека счастливым и нужным другим людям. «Осмысленная жизнь без определенной мировоззрения — не жизнь, а тягота, ужас», — заявляет Чехов в одном из писем и на примере многих своих героев («Скучная история», «Дядя Ваня», «Три сестры») убедительно показывает это. Больше того, устами своих героев он утверждает, что одних благородных убеждений тоже недостаточно, если у человека нет силы и воли бороться за них. Еще в одном из ранних рассказов Чехов, высмеивая «героев современного романа», писал: «Вместо того, чтобы бороться, они лишь кричат, называя свет прошлым и забывая, что сама их критика мало-помалу переходит в пошлость». А в рассказах последнего периода уже в полный голос звучит требование активного вмешательства в жизнь. «Больше жить так невозможно», «Главное — перевернуть жизнь» — такими призывами обращаются

герои Чехова к самим себе и к читателю.

МНОГОЕ ИЗ ТОГО, К ЧЕМУ ЗВАЛ ЧЕХОВ, для нас давно уже стало непреложным законом. Конечно же, советский человек не мыслит своей жизни вне труда, вне созидания, и вся жизнь и деятельность советских людей освещена великой «общей идеей» борьбы за построение коммунистического общества, за мир и дружбу на земле.

Но есть и многое другое, что высоко ценил в человеке Чехов и что — и сегодня, и завтра, и в далеком будущем — можно развивать и совершенствовать без конца. Речь идет о таких человеческих качествах, как душевная тонкость и красота, чуткость, воспитанность, скромность и простота в обращении с окружающими, — одним словом, о чертах и свойствах, характеризующих внутреннюю культуру человека, позволяющих говорить об его интеллигентности.

Именно все это имел в виду Чехов, восклицая: «Какое наслаждение уважать людей!», — именно этими чертами пленяют нас те герои Чехова, которым отдал он лучшее, что было в нем самом.

Ничто так не возмущало Чехова, как ложь, неискренность в человеческих отношениях, как лицемерие, грубость, равнодушие. Ничто не заставляло его так страдать, как мысль о постоянно, ежечасно унижаемом человеческом достоинстве миллионов людей. Его злейшим врагом была пошлость, и, по словам Горького, он обладал искусством находить и разоблачать ее «даже там, где с первого взгляда, казалось, все устроено очень хорошо, удобно, даже — с блеском». И очень хорошо сказал тот же Горький, что это искусство «доступно только человеку высоких требований к жизни», что оно «создается лишь горячим желанием видеть людей простыми, красивыми, гармоничными».

СРЕДИ МНОЖЕСТВА ЧЕХОВСКИХ ПИСЕМ есть одно, которое представляет собою как бы свод требований, которые предъявлял Чехов к воспитанному человеку. Это письмо к брату Николаю, написанное в марте 1886 года, когда Антону Павловичу только что исполнилось 26 лет.

Воспитанные люди, по утверждению Чехова, прежде всего «уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя, не говорят: с вами жить нельзя! Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилище посторонних...»

Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом...

Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают улыбки в глаза меньшей братии... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают... Из уважения к чужим ушам, они чаще молчат...

Они не унижают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чу-

жих душ, чтобы в ответ им вздохнули и нянчились с ними...

Они не суетны. Их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомства с знаменитостями... Делая на грош, они не носятся с своей папкой на сто рублей и не хвастают тем, что их пустили туда, куда других не пустили... Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее, чем полную...

Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они горды своим талантом...

Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки... Им нужны от женщины не постель... не ум, выражающийся в умении надуть... и лгать без устали, Им... нужны свежесть, изящество, человечность, способность быть... матерью... Они не трескают походки водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что они не свиньи.

И т. д. Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, недостаточно прозеть только Пикквика и вызубрить монолог из Фауста... Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час...»

Пусть внимательно прочтет эти строки каждый из вас, молодые читатели!

Всеми этими чертами покоряют нас и любимые герои Чехова. Вспомните, например, чудесный образ молодого ученого, врача Осипа Дымова («Попрыгунья»). Какую огромную нравственную силу и выдержку обнаруживает этот мягкий, застенчивый человек, узнав об измене горячо любимой жены, с какой чуткостью, тактом помогает он ей пережить случившееся, сохранить свое женское достоинство! А сколько внутреннего изящества, тонкости, трогательного внимания к людям в каждой из сестер Прозоровых, как много человеческого обаяния, душевной мягкости в десятках других героев Чехова!

Трагедия всех этих людей заключалась в том, что талантливые, умные, духовно щедрые, они лишены были возможности дать окружающим ту радость, которую могли бы дать, совершить то, что могли бы совершить.

Чехов не дожил до этой жизни. Но его благородная мечта, его мудрое слово, его светлый облик верного друга России помогают нам укреплять эту жизнь и быть достойными ее.

2 Н. КАЛИТИН.